

ПОПАДАНЕЦ
назад **В СССР**

Алим ТЫНАЛИН

**НЕ ОТСТУПАТЬ
И НЕ СДАВАТЬСЯ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т93

Серия «Попаданец. Назад в СССР»
Выпуск 9

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*
Дизайн серии *Анны Сазоновой*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Тыналин, Алим Онербекович

Т93 Не отступать и не сдаваться : роман / Алим Тыналин. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2024. — 352 с. — (Попаданец. Назад в СССР).

ISBN 978-5-17-163199-4

Хотячий труп, он был боксером, вылетевшим из спорта из-за неизлечимой болезни. Но затем он получил второй шанс, попав назад в прошлое. Несмотря на все препятствия и барьеры, несмотря на недоверие окружающих, он все равно будет бороться за звание чемпиона.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163199-4

© Алим Тыналин, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1.

Очень угрюмая троица

В соседнем темном переулке слышались женские крики:

— Помогите!

И я не раздумывая отправился туда, опираясь на тросточку.

Не то чтобы я такой вот прям весь из себя герой, но мне было безразлично, что произойдет дальше. В наши времена не рекомендуется лезть в разборки на улице. Запросто можно получить удар ножом, дубинкой, а то и схлопотать пулю.

Неспокойные нынче времена, небезопасные. С вывернутой наизнанку моралью. Люди не будут помогать против хулиганов, зато с удовольствием снимут происходящее на камеру и выложат в сеть ради хайпа.

Но я обычно поступал наоборот. Так уж приучили родители, что надо помогать прохожим, попавшей в беду женщине. Тем более что недавно врачи поставили мне диагноз, начисто перечеркнувший мою спортивную карьеру.

После этого моя жизнь разделилась на до и после. Поэтому, честно говоря, мне было все равно, кто там попадется в подворотне.

Дело было в Москве, время около полуночи. Я засиделся у старинного приятеля, мы поболтали с ним о славных временах.

О днях, когда мечтали покорить спортивный Олимп. О днях, когда хотели посмотреть на остальной мир с вершины пьедестала, с золотыми медалями на груди. Несбывшиеся мечты двух никчёмных огрызков, так и не сумевших достичь вершин в боксе.

По широкому проспекту, где я ковылял, с ревом носились роскошные иномарки. Светились витрины магазинов. Над тротуарами горели неоновые фонарики, много-много, как в фильмах. В общем, благодать. А в глухом переулке рядом что-то там плохое делают с женщиной.

Мой проклятый недуг не давал двигаться быстро. Хромая, я перешел небольшую аллею, обсаженную деревьями. Затем, кряхтя, взобрался на тротуар.

На улочке, где творилось злодейство, давно погасли все фонари. Из окон домов падал редкий свет. Листва деревьев скрывала улочку от посторонних глаз.

В общем, лепота. Твори, что вздумается.

Впереди, возле стены дома копошилась черная масса. Женщина стонала, ей явно зажали рот, а озлобленный мужской голос рявкнул:

— Лобзик, заткни ей пасть, а то кусается!

Вот гребаные уроды. До места, где творилось насилие, осталось метров двадцать. Чтобы не терять времени, пока я доковыляю до них, я крикнул:

— Отпустите ее, суки!

Сдавленные стоны и злобное ворчание прекратились. Надо же, мой окрик чудодейственным образом возымел действие. Масса впереди меня распалась на отдельные темные силуэты.

Двое выступили вперед, а один остался сзади, придерживая четвертого. Ну, понятно, два храбреца пошли ко мне, чтобы устранить опасность, а третий придерживал жертву, чтобы не убежала.

— Ты чего, говнюк, пасть разеваешь? — спросил силуэт справа. — Шел бы себе мимо, целее остался.

Говоря это, двое шакалов синхронно надвигались на меня. Даже в темноте видно, какие они здоровенные и мощные.

Выше меня на голову, толстые, как мешки с картошкой, набитые под завязку. Руки длинные, шеи накачанные. Лиц в темноте не видно.

Я ничуть не жалел о неприятностях, свалившихся на задницу. Хоть какое-то развлечение в серой паутине обыденности. В лучшие времена я, скорее всего, быстро раскидал бы этих уродов.

О защите они и не думали, подходили, держа руки на уровне пояса. Тому, что справа, явному коноводу их компании, я бы первому дал в подбородок. Точный и быстрый удар, чтобы оглушить и вывести из строя на несколько секунд.

Затем отработанная «двочка» второму дебилу. Пару секунд, и он валялся бы на тротуаре пузом кверху, получив возможность подумать о своем поведении.

Но нет, те денечки ушли безвозвратно. После диагноза врачей и ухудшения моего состояния я уже несколько лет в зал ни ногой. Мышцы одрябли, дышалка на нуле. Как старик, даже хуже.

Все, что мне осталось делать, так это все равно попробовать их вырубить. Хотя бы одного, чем черт не шутит. Поэтому я сгорбился, скрючился, затрясся, изображая из себя увечного гоблина и заодно подпуская противников поближе.

— Э, да ты совсем чумной, однако! — сказал силуэт слева. — Слышь, Титан, может, отпустим придурка?

Спасибо тебе, мил человек. Остались капли доброты и сожаления, мешают работать, наверное. Я постараюсь тебя не добивать, если звезды сойдутся и я вас одолею.

— Заткнись, Лобзик, — ответил его шеф. — Он меня реально выбесил. Поэтому я не успокоюсь, пока...

Что он там собирался сделать со мной, навсегда осталось неизвестным. Ничего хорошего, разумеется, так что я об этом не жалел. И еще я был несказанно рад тому обстоятельству, что он подошел ко мне слишком близко и так и остался без защиты.

Бац! Я выпрямился, как изогнутая пружина, а мой кулак с силой обрушился в челюсть Титана.

Удар получился, что надо. Совсем как в славные времена моей боксерской карьеры. Титан откатился назад, нелепо взмахнув руками и упал на тротуар, с тошнотворным хрустом приложившись затылком об асфальт.

Ай-яй-яй, кажется, дело пахнет превышением необходимой самообороны. Мой противник наверняка разбил себе череп. В лучшем случае сотрясение мозга, в худшем — летальный исход.

Впрочем, я нисколько не сожалел о содеянном. Титан не заслуживал сострадания близких.

— Э, ты чего, мужик? — удивился Лобзик. — Ты охренел, что ли? Ты на кого попер, а?

На его месте я порекомендовал бы поменьше трепать языком, а побольше действовать. Причем аккуратно и осторожно. Он же разобрался вроде, что я не так уж и прост.

Я решил снова прибегнуть к проверенной тактике и изобразить из себя юродивого. Опять согнулся, затрясся, да еще и заблеял что-то невпопад. Мол, что с меня возьмешь, полумужика недоделанного?

Но Лобзик, даром что дурак, в ловушку не попался. Да и собутыльник его, тот, что держал де-вушку, предостерегающе сказал:

— Он мутный какой-то, ты там осторожно, Лобзик!

Поэтому да, Лобзик снова оглянулся на неподвижного Титана, нервно передернул плечами и выкинул вдруг совсем неожиданную штуку. Взял, да и вытащил из-за пояса пистолет. Я от удивления перестал трястись, а Лобзик поднял пушку и навел на меня.

В уличном полумраке черное дуло пистолета показалось мне воротами ада. А затем оттуда полыхнул огонь. И не один, и не два, а несколько раз.

Сначала боли я не чувствовал. Просто грохнулся на асфальт и понял, что не могу подняться. В груди завертелись, закружились огненные вихри. Я не мог пошевелить и пальцем.

— Ты что, придурок, завалил его? — где-то далеко-далеко, среди звезд, раздался голос третьего урода, того, что держал девушку. — Вот надо было тебе хватать пушку?

Лобзик что-то нервно возразил, но я его уже не слышал. Сознание стремительно провалилось в чернильно-черную вату и навсегда осталось в ней.

Сквозь кровавый туман я слышал чьи-то голоса.

— Эй, Витя, ты как там? Очухался?

Кто-то потряс меня за плечо, похлопал по щекам. Эй, хватит, сейчас я проснусь. Только почему так болит тело, особенно грудь и подбородок?

Открыв глаза, я, к своему громадному удивлению, увидел, что нахожусь на ринге. Что за лютая дичь?

Я недоуменно огляделся. Просторный и щедро освещенный зал, в центре ринг, окруженный канатами. Это настоящая спортивная площадка на стадионе. Вокруг на трибунах зрители, правда, не так уж и много, заполнены только первые ряды.

— Эй, ты в порядке? — меня снова потрясли за плечо. — Можешь продолжать бой?

Я поглядел на человека рядом с собой. Пожилой, невысокий, с заметным брюшком. Сам сму-

глый, а вот усы и шевелюра седые. Нос с горбинкой, глаза карие и встревоженные. Тренер, ясное дело.

Все еще не веря в происходящее, я посмотрел в противоположный угол ринга. Надо же какая штука, там находился мой противник. Тоже боксер, сидит на стульчике, рядом тренер, и тоже что-то ему втолковывает.

В середине площадки стоял рефери, ждал, когда снова начнется бой. За канатами, возле ринга сидели судьи, что-то записывали на листочках.

— Ну как, отмена? — тренер продолжал настойчиво допрашивать меня. — Ты только кивни, я все устрою.

Вот чего я не любил, так это добровольной сдачи. Никогда не признавал поражений, хотя за это меня называли «тупым дуболомом».

Поэтому сейчас, даже не разобравшись толком, что происходит, я все равно упрямо покачал головой и промычал:

— Неа, продолжим!

Тренер устало вздохнул. Видимо, не надеялся на мою победу.

Между тем я поразился своему голосу. Какой-то чужой, незнакомый. Да и тело тоже не мое, руки и ноги другие, чересчур волосатые. А еще я заметил на стенах красные серпасто-молоткастые флаги, герб СССР и изображения лысого Ленина на плакатах с изречениями вождя. Никаких экранов и масштабных дисплеев. Никакой рекламы.

Это, наверное, сон! Мне снится, что я попал в далекие советские годы! Вернее, не сон, а яркая

полноценная галлюцинация, слишком уж все реалистично. То-то я смотрю, все одеты как-то странно, старомодно, как в историческом кино. Да и ринг какой-то древний, без прожекторов и слоганов на помосте.

Все понятно, я сейчас лежу в больнице или где там еще, а все это мне почудилось. У меня ведь недаром болит грудь, ведь кто-то выстрелил в меня из пистолета. Правда, не помню уже, кто именно. Кажется, там была женщина и какой-то рубанок или лобзик.

— Готовы? — спросил рефери, подходя к нам.

Тренер кивнул, ободряюще хлопнул меня по плечу, скатился с ринга. Наставник противника тоже сошел за канаты, не забыв перед этим бросить в мою сторону пренебрежительный взгляд.

Мой соперник, совсем еще молодой и желторотый, годиков эдак восемнадцати, тоже смотрел на меня с насмешкой. Что за дичь тут творится? Я вдруг припомнил, что уже грохнулся в нокаун пару раз в течение первого раунда. А перед самым концом второго упал в нокаут, меня спасло только окончание поединка.

Вот только откуда у меня это воспоминание, такое яркое и живое? Я же ясно помню, что в моей жизни такого не случилось. Или все-таки случилось?

Секундант сунул капу мне в рот, ободряюще похлопал по плечу. Я встал, вскинул руки в стойке.

Неужели я действительно делаю это, стою на ринге? И это после стольких пропущенных, поте-

рянных лет! Пусть даже в горячечном бреду, пусть даже в галлюцинации, но зато стою, мать его, на гребаном боксерском ринге! Как же давно я был лишен этого дикого, азартного удовольствия!

Противник стремительно приблизился, нанес удар. Хорошо, я успел уклониться. Странное дело, это новое незнакомое тело, тем не менее, отлично меня слушалось. Оно было молодым и ловким.

Маневрируя, я быстро вспомнил свои навыки. И свой стиль боя. Меня называли контрпанчером, великолепно умеющим хитрить и запутывать противника. «Ершом», любящим часто уходить в глухую оборону. Выигрывать по очкам. Строить защиту, отлично владея техникой. И только в редких случаях, когда противник терял голову, решать исход поединка нокаутом.

А вот мой нынешний соперник оказался панчером. Ну, это прозвище у всех на слуху. Панчер — это мощный ударник. Работает на средней дистанции, старается уронить соперника в нокаут. Физически великолепно подготовлен.

И еще он явно «решер», то есть предпочитает агрессивный наступательный стиль боя. Вдобавок он явно не считал меня за серьезного соперника. Против таких у меня еще с давних времен было достаточно заготовок.

Я продолжал уклоняться от его резких атак. Иногда подныривал под атакующую руку, одновременно нанося контрудары снизу по корпусу. Так продолжалось весь раунд, и вскоре мой противник выдохся.

Настроение зрителей и судей явно изменилось в мою пользу. Краем глаза я увидел, как мой тренер удивленно смотрит на меня. Никто не ожидал от меня хорошей техники.

— Давай, Витя, покажи им! — закричал кто-то из публики.

В самом конце раунда наш панчер пришел в неистовство от моей уклончивой манеры. Ну вот, настало время для расправы. Я улучил удобный момент и в очередной раз ушел от атаки противника.

Стремясь добить меня, он обрушил серию джеббов, прямых ударов и хотел добить резким коротким хуком сбоку. Я успел сделать небольшой финт, а когда он открыл небольшое «окошко» между локтем и грудью, я ударил его в челюсть сильным апперкотом.

Эффект получился неожиданный для всех. Мой соперник, явный фаворит поединка, завалился на спину, раскинув руки. Рефери отогнал меня в угол ринга и начал отчет. Но я уже и так видел, что он не очухается.

Вот ведь удача, это нокаут. Какая, однако, хорошая у меня галлюцинация. Может, получится остаться в ней подольше?

Окончив счет, рефери вскинул руки. Молоточек звонко ударил в гонг, возвещая о моей победе.

Оглядев торжествующим взглядом судей и зрителей, я не увидел ничего, кроме недоумения. Даже мой тренер стоял с открытым от удивления ртом.

— Во дает Витька, вырубил армейца! — крикнул кто-то из публики.

Вообще-то меня звали Алексей, но почему бы и нет? Видимо, в этом причудливом сне у меня поменялось не только тело, но и имя.

Я устало вернулся в свой угол. Несмотря на живость и азарт после победы, я чувствовал, что притомился.

— Ну ты и выкинул коленце, Витек! — сказал тренер, озабоченно почесывая подбородок. Он прищурился и глядел на судей. — Сейчас такая катавасия начнется...

Я обтерся полотенцем, поданным секундантом. Что-то не так. Какого дьявола они все переположились?

— Что вообще творится? — спросил я и вдруг смутно припомнил, что вообще не рассчитывал выиграть этот бой.

Все думали, что Виктор Рубцов, то есть я, обязательно проиграет. Если бы здесь, в советское время, были букмекерские конторы, против меня поставили сто к одному. А может, и того больше.

Внезапно я понял, что это вовсе не сон. Не гребаная галлюцинация. Это все по-настоящему. Мое сознание странно раздвоилось.

С одной стороны, я помнил, что меня зовут Алексей Топорников, я списанный инвалид, хотя и был подающим надежды боксером. И меня застрелили на улицах Москвы.

С другой стороны, я помнил, что являюсь Виктором Рубцовым, парнем восемнадцати лет, который с пятнадцати пошел в секцию бокса. Хотел научиться защищать себя и за три года постепенно